

№ 178—94

ЧЕТВЕРГЪ, 28 ГО АПРѢЛН 1916 ГОДА

„КУБАНСКАЯ МЫСЛЬ“

3.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ.

«Дядя Ваня», А. П. Чехова.

Чеховскій спектакль требуетъ мобилизаціи всѣхъ артистическихъ силъ и театральныхъ средствъ. Это, вѣдь, не просто рядовой спектакль, какіе устраиваются ежедневно; это—долгъ, отдаваемый искусству. Антрепризы часто грѣшатъ, ставя

пьесы, далекія отъ истиннаго искусства, но способныя сдѣлать сборъ. Но всѣ эти грѣхи, такіе понятные въ условіяхъ провинціальной дѣйствительности, можно перкупить нѣсколькими образцовыми постановками. Пусть бы они и не сдѣлали сборовъ; такіе спектакли—дѣло артистической совѣсти, а не интересъ кармана. Въ числѣ такихъ образцовыхъ спектаклей можетъ и должна быть пьеса Чехова, съ именемъ котораго въ театрѣ связано много воспоминаній.

Именно съ такими мыслями мы шли на «Дядю Ваню». Мы знали, что для широкихъ обывательскихъ круговъ спектакль пройдетъ незамѣтно; это, вѣдь, не сенсация сезона, и въ пьесѣ нѣтъ вопроса à la Арцыбашевъ. Но мы думали, что чеховскій спектакль соберетъ публику, далекую отъ крика улицы, любящую литературу и театр тихой задумчивой любовью. Думали, что этой публикѣ спектакль дастъ чистѣйше изъ наслажденій, доступныхъ для человѣческаго духа на нашей скучной монотонной землѣ. Но,—увы!—во многомъ мы ошиблись...

Чеховскій спектакль во многомъ оказался рядовымъ. Мобилизаціи артистическихъ силъ не было, ибо, напр., г-жа Стопорина осталась за флангомъ и ея мѣсто безо всякаго успѣха занимала г-жа Васильчикова. Такимъ образомъ, жена профессора, Елена Андреевна, проплыла передъ нами на протяженіи всѣхъ четырехъ актовъ въ видѣ тусклаго пятна. А такъ хотѣлось видѣть ее такой, какъ у Чехова, человѣкомъ, которому хотя и смертельно скучно жить, но который все-таки человѣкъ, съ страдающей душой, а не съ заученной ролью.

Совсѣмъ ушла со сцены мать Сони, отданная въ распоряженіе г-жи Волгиной. Личность эта, правда, безличная, брошюрочная, но и ее надо изобразить, а не скрывать за блѣдностью холодныхъ фразъ.

Г.г. Яковлевъ (профессоръ), Нароковъ (дядя Ваня) и Любошъ (докторъ Астровъ)—умѣренно удачны въ своихъ роляхъ. Но какъ все-таки немного чеховскаго въ ихъ толкованіи своихъ ролей!

Одинъ маленькій, но характерный фактъ. Въ первомъ дѣйствіи Любошъ-Астровъ садится за столъ спиной къ публикѣ: «совсѣмъ какъ въ художественномъ театрѣ». Поза замѣчательная. Моментъ не изъ легкихъ. Какъ отозвался Леонидъ Андреевъ о Чеховѣ, согнутой спиной своего героя писатель рассказываетъ исторію жизни неудачника. Но г. Любошъ не рассказывалъ намъ этой исторіи... Это было такъ больно смотрѣть: сидитъ человѣкъ и—ничего!...

Соня, некрасивая лицомъ дѣвушка, у которой была такая гнѣвная, изящная душа, страдающая въ настоящемъ, но по-

ная энтузіазма вѣры въ прекрасное будущее, въ далекое «небо въ алмазахъ»,—была поручена г-жѣ Вульфъ и не напрасно. Артистка справилась со своей задачей и моментами давала несомнѣнную красоту выраженія чувства.

Очень удачной парой были г-жа Охотина (няня) и г. Черновъ-Лепковскій (Вафля). Мягко, въ тѣхъ чеховскихъ тонахъ, о которыхъ не всѣ въ тотъ вечеръ помнили, эти два старыхъ актера свои второстепенныя роли выдвинули на первый планъ.

Въ постановкѣ пьесы (пьеса ставилась г. Любошемъ) не было замѣтно особой тщательности. «Чеховщина» такъ, вѣдь, приучила насъ къ пѣвучести, къ лиризму, къ тому, чтобы каждая мелочь на сценѣ жила, чтобы и за сценой текла, а не моментами вспыхивала, жизнь...

Насъ, можетъ быть, избаловали постановками чеховскихъ пьесъ; но,—что же дѣлать,—это нашъ Чеховъ, пѣвецъ насъ, хмурыхъ людей, которыхъ ни революція, ни война не заставили быть иными. И мы вправѣ ожидать отъ чеховскихъ спектаклей особаго, выходящаго изъ ряда. Отчетный спектакль былъ недурнымъ. Но это и огорчаетъ: онъ былъ недурнымъ, въ то время, какъ мы хотѣли бы, чтобы онъ былъ прекраснымъ...

Н. РОЗАНОВЪ.